

+7 911 974 03 37
bugleweed@inbox.ru

Андрей Кажедуб

Страсти по Пилату

Пьеса в 2-х действиях

Действующие лица:

Андрей, 30 лет, кандидат исторических наук

Отец Сергей (Димыч), 30 лет, иеромонах

Понтий Пилат, 50 лет, префект Иудеи

Йосéф Бар-Каиафа, 60 лет, первосвященник Иудеи

Иешуа бен Йосеф, 33 года, проповедник из Галилеи

Центурион, 28 лет

Внутренний голос префекта

Голос автора

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КРУГЛАЯ ДАТА

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ПРОСТОРНАЯ ГОСТИНАЯ В ДЕРЕВЕНСКОМ ДОМЕ. В СЕРЕДИНЕ СТОИТ БОЛЬШОЙ СТОЛ С ЧЕТЫРЬМЯ СТУЛЬЯМИ. В ОДНОМ УГЛУ - СКРОМНАЯ КУХНЯ С МОЙКОЙ, НАВЕСНЫМ И НАПОЛЬНЫМ ШКАФЧИКАМИ, В ДРУГОМ — БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ПЕЧЬ С АККУРАТНО СЛОЖЕННЫМИ ПЕРЕД НЕЙ ДРОВАМИ. У ОДНОГО ИЗ ДВУХ ОКОН СТОИТ НЕБОЛЬШОЙ ДИВАН, А У СТЕНЫ ТУМБА С НЕБОЛЬШИМ ТЕЛЕВИЗОРОМ С НЕСОВРЕМЕННЫМ ВЫПУКЛЫМ ЭКРАНОМ.

ГОЛОС
АВТОРА:

Эта история произошла не так давно, даже, можно сказать, недавно. Все случилось в непосредственной близости от Санкт-Петербурга - в одном из сельских поселений Ленинградской области. Там, в один из знойных июльских дней встретились два хороших друга.

ОТКРЫВАЕТСЯ ДВЕРЬ, ВХОДЯТ АНДРЕЙ И ДИМЫЧ. НА АНДРЕЕ МОДНЫЕ ЛЕТНИЕ БРЮКИ И ДОРОГАЯ РУБАШКА, НА ШЕЕ ПЛАТОК. ДИМЫЧ ОДЕТ В ПРОСТОЙ СПОРТИВНЫЙ КОСТЮМ. В РУКАХ АНДРЕЯ ПАКЕТ.

АНДРЕЙ

Значит, вот как живут святые отцы? А у тебя уютно! Правда!

ДИМЫЧ:

Давай, проходи садись, сейчас что-нибудь на стол организую.

АНДРЕЙ:

Я помогу, да и не с пустыми руками прибыл! Впрочем, главное, не это.

АНДРЕЙ ВЫКЛАДЫВАЕТ НА СТОЛ ФИНСКИЙ СЕРВЕЛАТ, БОЛЬШОЙ КУСОК ТВЕРДОГО СЫРА «ЧЕДДЕР», ПАРУ БОЛЬШИХ УПАКОВОК СОЛЕНОЙ СЕМГИ, МАРИНОВАННЫЕ ГРУЗДИ, ТРИ БАНОЧКИ КРАСНОЙ ИКРЫ, ОЛИВКИ И МАСЛИНЫ, КУСОК

ГОВЯЖЬЕГО БАЛЫКА, КРУПНУЮ ПЛИТКУ
БЕЛОГО ШОКОЛАДА С КРУПНЫМИ ОРЕХАМИ И
ЛИТРОВУЮ БУТЫЛКУ КОНЬЯКА «КУРВУАЗЬЕ»
VSOP. ДИМЫЧ С УЛЫБКОЙ ВОСХИЩЕННО
КАЧАЕТ ГОЛОВОЙ.

ДИМЫЧ: Помни о греховной страсти номер один!

АНДРЕЙ: Что-нибудь из диетологии?

ДИМЫЧ: Именно - чревоугодие!

АНДРЕЙ: Ладно-ладно, сегодня можно! Как-никак вступаешь в
четвертый десяток, по какому случаю...

АНДРЕЙ ДОСТАЕТ ИЗ ПАКЕТА КНИГУ И
ПРОТЯГИВАЕТ ЕЕ ДИМЫЧУ

АНДРЕЙ: С круглой датой, дружище! Как там у вас положено?
(делает серьезное лицо и поет) Многая ле-е-е-та-а-а!

ДИМЫЧ ВОСХИЩЕННО РАССМАТРИВАЕТ КНИГУ,
ЛИСТАЯ ЕЕ И КАЧАЯ ГОЛОВОЙ.

ДИМЫЧ: Ренановская "Жизнь Иисуса", еще и старое издание! Ну,
спасибо тебе!

АНДРЕЙ: (подмигивая) Это ж ересь несусветная! Сам говорил,
помнишь?

ДИМЫЧ: Ересь для неподготовленного читателя, но с исторической
и литературной точки зрения — вещь интересная!

АНДРЕЙ: Значит, угодил, Ваше преподобие?

ДИМЫЧ: Угодил, угодил, сын мой!

ОБА СМЕЮТСЯ И ОБНИМАЮТСЯ. ЗАТЕМ ДИМЫЧ
СТАВИТ ЧАЙНИК, ДОСТАЕТ ХЛЕБ, МАСЛО И
МАРИНОВАННЫЕ ГРИБЫ ИЗ ХОЛОДИЛЬНИКА.
АНДРЕЙ РАСПАКОВЫВАЕТ ДЕЛИКАТЕСЫ.

ДИМЫЧ: Какой чай заварить - черный или зеленый?

АНДРЕЙ КАРТИННО МОРЩИТСЯ

АНДРЕЙ: Ну, какой чай? У него сегодня три десятка в личном

календаре, а он меня чаем потчевать собирается. Давай-ка попробуем продукт солнечной Франции, кстати, оттуда и привез! О коньячных бокалах не спрашиваю, посему доставай стопки!

ДИМЫЧ: Извини, дорогой - нельзя!

АНДРЕЙ ДЕЛАЕТ СТРАШНЫЕ ГЛАЗА И РАЗВОДИТ РУКАМИ.

АНДРЕЙ: Да ладно! Ты серьезно собираешься со мной чаем чокаться? Так дело не пойдет!

ДИМЫЧ: Иду на компромисс - у меня есть пара бутылок хорошего церковного кагора, иногда позволяю себе, но совсем немного. Так что одной бутылки, я думаю, хватит!

АНДРЕЙ УПИРАЕТСЯ РУКАМИ В БОК, ХМУРИТСЯ И УЛЬТИМАТИВНЫМ ТОНОМ ГОВОРИТ:

АНДРЕЙ: Доставай обе, праведник, и позволяй себе немного, а у меня таких лимитов нет!

ДИМЫЧ: (примирительно) Разумеется, но коньяк заberi.

АНДРЕЙ: Не обижай меня, святой отец! Это все же подарок, так что убери себе в закрома и все. Пить не заставляю и закроем эту тему. Учти - отказа не приму!

ДИМЫЧ ПОДНИМАЕТ РУКИ В ЗНАК СОГЛАСИЯ И УБИРАЕТ КОНЬЯК В ШКАФЧИК, ДОСТАЕТ ДВЕ БУТЫЛКИ КАГОРА И БОКАЛЫ. АНДРЕЙ ОТКРЫВАЕТ ОДНУ БУТЫЛКУ, НАЛИВАЕТ ТРЕТЬ БОКАЛА, И ДИМЫЧ ОСТАНАВЛИВАЕТ ЕГО. АНДРЕЙ СО ВЗДОХОМ НАЛИВАЕТ ВТОРОЙ БОКАЛ ДО КРАЕВ, БЕРЕТ ЕГО В РУКИ И ВСТАЕТ.

АНДРЕЙ: Я поднимаю этот бокал за моего вот уже столько лет лучшего друга, умного, тактичного, благопристойного и истинно верующего добровольного затворника в деревне...как она называется?

ДИМЫЧ: Дьяконово

АНДРЕЙ: Как с названием-то угадали... За тебя, дорогой!

ДРУЗЬЯ ЧОКАЮТСЯ, АНДРЕЙ ВЫПИВАЕТ
ПОЛБОКАЛА ВИНА И МОРЩИТСЯ. ДИМЫЧ СЛЕГА
ПРИГУБЛИВАЕТ.

АНДРЕЙ: И это вы используете для таинств?

ДИМЫЧ: (улыбаясь) Именно так, для святого причастия.

АНДРЕЙ: Точно! В миру-то ты Дмитрий Немиров, а у вас кто?

ДИМЫЧ: У нас я - отец Сергей.

АНДРЕЙ: Вот с пятого класса тебя знаю, за одной партой сидели, а все-таки...

АНДРЕЙ ЗАМОЛКАЕТ И ДЕЛАЕТ ГЛОТОК, СНОВА
МОРЩАСЬ.

АНДРЕЙ: Хочешь честно?

ДИМЫЧ: (улыбаясь) Только честно, другого не приму!

АНДРЕЙ: Ты никогда не жалел о своем выборе? У тебя ж такая голова светлая, как сейчас помню: городские и областные олимпиады по физике, английскому, в спортивном фехтовании до первого взрослого разряда дошел...

ДИМЫЧ: Мы с тобой как-то говорили на эту тему. Я думал, что объяснил, и ты понял.

АНДРЕЙ: Ты про перитонит свой в десятом классе? Да брось ты...

ДИМЫЧ: Про то, как еле выжил, пережив клиническую смерть. Что-то во мне тогда изменилось, вернее, все изменилось - на жизнь посмотрел другими глазами.

АНДРЕЙ: (раздраженно) Ну, не ты один с таким диагнозом в больницу попадал!

ДИМЫЧ: Может и так, но со мной было так, как было. Я когда после операции в себя пришел, почувствовал себя другим человеком. Я не могу объяснить, почему. Все эти чувства...это очень личное, просто поверь.

АНДРЕЙ: Да верю, верю. Но как-то не укладывается все это в голове. Ты же не просто поверил - миллионы верят, но ты решил

жизнь этому посвятить! А монашеский сан? Это тоже было нужно?

ДИМЫЧ: (улыбаясь) Значит нужно! Ты же тоже в свое время с головой ушел в свою ассириологию, в библиотеках сутками просиживал, было?

АНДРЕЙ: Ну было, и что? Я от человеческих радостей и в студенчестве, и когда кандидатскую писал, не отказывался!

ДИМЫЧ: (вздыхая и потом улыбаясь) Каждому - свое, друг мой!

АНДРЕЙ: (язвительно) И как, получается умерщвлять плоть - не тяжелы вериги?

ДИМЫЧ: Ну вот, начал потихоньку ядом прыскать! Вкушай мирские радости, я тебя в священники не агитирую.

АНДРЕЙ: Ладно бы просто в священники! Нашел бы попадью, наделали бы детишек, так нет же, наш путь - монашество!

ДИМЫЧ: (спокойно) Мой путь. И давай прекратим эту тему, тебе просто нелегко меня понять. Ты, увы, скептик, хоть умный и образованный!

ДИМЫЧ ПОДНИМАЕТ БОКАЛ, ЧОКАЕТСЯ С
АНДРЕЕМ И ДЕЛАЕТ МАЛЕНЬКИЙ ГЛОТОК.
АНДРЕЙ ОСУШАЕТ СВОЙ БОКАЛ И СНОВА
МОРЩИТСЯ.

АНДРЕЙ: Может, ты и прав... И хочу понять тебя, и не могу! Давай-ка слегка подкрепимся, с утра кроме кофе ничего во рту не было.

АНДРЕЙ И ДИМЫЧ ПРИНИМАЮТСЯ ЗА ЕДУ.

ГАСНЕТ СВЕТ.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ДИМЫЧ И АНДРЕЙ СИДЯТ ЗА СТОЛОМ, ОНИ
ЗАКОНЧИЛИ ЕСТЬ, БЕСЕДА КАК-ТО УГАСЛА.
АНДРЕЙ ОДНОЙ РУКОЙ ДЕРЖИТ ПОЧТИ ПУСТОЙ
СТАКАН, ДРУГОЙ СТУЧИТ ПАЛЬЦАМИ ПО

СТОЛУ, ЛИЦО ЕГО ХМУРО. ДИМЫЧ НАПРОТИВ СПОКОЕН И БЕЗМЯТЕЖЕН, ОН ПЫТАЕТСЯ ВОССТАНОВИТЬ РАЗГОВОР.

ДИМЫЧ: Что смолкнул веселия глас? Раздайтесь, вакхальны припевы!

АНДРЕЙ ПЫТАЕТСЯ ИЗОБРАЗИТЬ УЛЫБКУ И ТЯНЕТСЯ К БУТЫЛКЕ, ЗАТЕМ НАЛИВАЕТ СЕБЕ И ДИМЫЧУ.

ДИМЫЧ: После еды люди обычно становятся благодушными. Ты чего смурной такой?

АНДРЕЙ: Да все хорошо, ты извини, дорогой, все-таки твой день рождения, а я тут за старое взялся.

ДИМЫЧ: Именно, что за старое! Впрочем, язвой-то ты был всегда, непонятно только, почему сегодня вопрос всплыл.

АНДРЕЙ ВСТАЕТ, ПОДНИМАЕТ БОКАЛ И ТОРЖЕСТВЕННО ПРОИЗНОСИТ:

АНДРЕЙ: Отец Сергей, он же Дмитрий Немиров, как бы по-разному мы не смотрели на фундаментальные вопросы бытия, этот тост - за тебя! Счастья тебе, дорогой! Такого, какого ты сам хочешь.

АНДРЕЙ ДЕЛАЕТ БОЛЬШОЙ ГЛОТОК И НАЧИНАЕТ ХОДИТЬ ПО КОМНАТЕ, ЗАСУНУВ РУКИ В КАРМАНЫ. ДИМЫЧ НЕМНОГО ОТПИВАЕТ И С ИНТЕРЕСОМ НАБЛЮДАЕТ ЗА АНДРЕЕМ.

ДИМЫЧ: (улыбаясь) Спасибо, дорогой! Надеюсь, ты подобрел?

АНДРЕЙ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ И ПОДНИМАЕТ РУКИ В ЗНАК ПРИМИРЕНИЯ, ЗАТЕМ СКРЕЩИВАЕТ ИХ НА ГРУДИ И ПРИСТАЛЬНО СМОТРИТ НА ДИМЫЧА.

АНДРЕЙ: Итак, тебе не надоело. Вернее, так: ты не устал от всего этого, верно?

ДИМЫЧ: Ты же знаешь, что нет.

АНДРЕЙ: Я - ученый, мне сложно воспринять твою систему взглядов и ценностей.

ДИМЫЧ: Многие ученые верят, это - факт.

АНДРЕЙ: (возбужденно) А многие не верят, таких я думаю большинство! Факты, анализ, рациональный подход, научные знания, объяснение вселенной. Атом на части разобрали, научились вычислять планеты, до которых еще лететь и лететь, а все без бога не можем, бога нам подавай!

ДИМЫЧ: Так было всегда. И будет всегда, мой рациональный друг!

ДИМЫЧ НЕГРОМКО СМЕЕТСЯ, АНДРЕЙ СМОТРИТ НА НЕГО И УКОРИЗНЕННО КАЧАЕТ ГОЛОВОЙ.

АНДРЕЙ: Ты мне еще про материализм и идеализм расскажи, изучали небось в вашей бурсе?

ДИМЫЧ: В нашей духовной академии мы разумеется это изучали, да и много чего другого.

АНДРЕЙ: А во время изучения сомнений не возникало? Мозг у нас у всех одинаково устроен.

ДИМЫЧ: Мозг - да, но вера все больше от сердца.

АНДРЕЙ: От страхов, да от невежества!

ДИМЫЧ: Думай, как хочешь, а только человеку без веры нельзя!

АНДРЕЙ: Иными словами, раз ты выжил после тяжелого перитонита в 17 лет, так теперь ты должен бога благодарить?

ДИМЫЧ: Должен?

ДИМЫЧ СМЕЕТСЯ.

ДИМЫЧ: Нет более добровольной вещи, чем вера. Она либо есть, либо нет, себя не обманешь!

АНДРЕЙ: Просто так удобнее, легче всего все объяснить божьей волей!

ДИМЫЧ: Вечный спор... Давай, колись: что случилось?

АНДРЕЙ: С чего ты взял?

ДИМЫЧ: Ну, я тебя не первый год знаю. К шуточкам твоим и язвам я давно привык, но сегодня тебя прямо распирает изнутри, явно что-то не так.

АНДРЕЙ НЕРВНО ХОДИТ ВЗАД-ВПЕРЕД, ЗАТЕМ САДИТСЯ ЗА СТОЛ.

АНДРЕЙ: Вообще-то, да.

ДИМЫЧ: Что случилось?

АНДРЕЙ: Да ты понимаешь, познакомился тут с женщиной. Молодая, красивая, образованная, немного загадочная. Посидели с ней в кафе, по городу погуляли, я ее до дома проводил - событий не форсировал! А вчера она предложила сходить...

АНДРЕЙ ДЕЛАЕТ МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ПАУЗУ И ВЫЖИДАТЕЛЬНО СМОТРИТ НА ДИМЫЧА. ТОТ РАЗВОДИТ РУКАМИ И КАЧЕТ ГОЛОВОЙ.

АНДРЕЙ: На концерт духовной музыки! Ну, я что-то заподозрил, но песнопенья эти честно выдержал, подавляя зевоту. А в конце вышел один из вашей братии, солидный такой, в рясе и с крестом, и часть народа побежала к нему за благословением - кланяются, руки целуют!

ДИМЫЧ: И среди них была твоя дама?

АНДРЕЙ: Ну да! Мы когда вышли оттуда, она перекрестилась на храм, поклонилась, и мы пошли гулять. Я ее спросил, к чему все это, а она на меня смотрит такими глазами, словно я с другой планеты прилетел. Сначала молчала, а потом так тихо спрашивает: "Как к чему? Ты серьезно?" Мне все стало ясно, до дома проводил, что-то там из себя выдавливал всю дорогу, она почти ни слова не говорила. Попрощались, пряча глаза. Такая вот, Прасковья...

ДИМЫЧ: Девушку зовут Прасковья? Красивое имя.

АНДРЕЙ: Да ладно. Старомодное просто...

ДИМЫЧ: Для тебя просто, а вообще история у этого имени интересная.

АНДРЕЙ РЕЗКО ВСТАЕТ И НАЧИНАЕТ ХОДИТЬ ПО КОМНАТЕ, ЗАСУНУВ РУКИ В КАРМАНЫ. ОН РАЗДРАЖЕН И ГОВОРIT НА ПОВЫШЕННЫХ ТОНАХ.

АНДРЕЙ: Димыч, вот только не надо меня грузить вашими церковными легендами про еще не факт, что существовавших людей!

ДИМЫЧ: (спокойно) Хорошо, не буду. Но только знай, что святая Параскева очень уважаема в православном мире, который вызывает у тебя лишь сарказм. Девушка с таким именем...

АНДРЕЙ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ И СРЫВАЕТСЯ НА КРИК.

АНДРЕЙ: Ну, прекрати, прошу тебя! Тошно просто!

ДИМЫЧ: Андрей, успокойся, пожалуйста! Давай не будем ссориться из-за разности наших взглядов.

АНДРЕЙ: Я и не хочу ссориться, но меня несколько напрягает то, что все видишь через призму бога, да ладно видишь - все пытаешься этим же объяснить! Совсем мирского в жизни не признаешь?

ДИМЫЧ ПОДНИМАЕТ РУКИ В ЗНАК ПРИМИРЕНИЯ.

ДИМЫЧ: Ладно, будь по-твоему. Чем закончилась твоя история?

АНДРЕЙ: Да собственно все! Понравилась она мне, но ничего у нас с ней не получится. Святоши - это не мое. Короче я ей больше не звонил, она позвонила разок, но...я трубку не взял.

ДИМЫЧ: Это - такой мирской взгляд на вещи? Очень по-мужски!

АНДРЕЙ: (раздраженно) Да знаю!

ДИМЫЧ: Ну, значит это не твой человек, девушка Прасковья! Жизнь не закончилась, встретишь еще.

АНДРЕЙ: (язвительно) Если богу будет угодно?
ДИМЫЧ: Именно так.

АНДРЕЙ С УЛЫБКОЙ АПЛОДИРУЕТ.

ГАСНЕТ СВЕТ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

АНДРЕЙ И ДИМЫЧ ПЬЮТ ЧАЙ, ОДНА БУТЫЛКА
КАГОРА ОПУСТОШЕНА НАПОЛОВИНУ, ВТОРАЯ
ЗАКРЫТА.

ДИМЫЧ: Как-то так получилось, что мы перешли на чай.

АНДРЕЙ: (улыбаясь) Ладно уж! Чай, кстати, очень хорош!

ДИМЫЧ: Моя слабость. Как в район выбираюсь, первым делом в магазин, в чайный отдел.

АНДРЕЙ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА И С
НАСЛАЖДЕНИЕМ ДЕЛАЕТ ГЛОТОК.

АНДРЕЙ: Хорошее дело! У тебя, кстати, какой график?

ДИМЫЧ: В церкви я каждый день, но расписанием литургий забивать тебе голову не буду.

АНДРЕЙ: А пастве о чем вещаешь?

ДИМЫЧ: Да о разном.

АНДРЕЙ: О важном, о главном, о насущном...

ДИМЫЧ: Предчувствую еще одну атаку твоего сарказма.

АНДРЕЙ: Ни в коем случае! Правда, о чем ты сегодня рассказывал в проповеди до моего приезда?

ДИМЫЧ: Тебе это интересно?

АНДРЕЙ: Абсолютно!

ДИМЫЧ: О Понтии Пилате.

АНДРЕЙ: И что такого нового и интересного ты поведал людям о Понтии нашем Пилате?

ДИМЫЧ: Не знаю насчет нового, я не историк, но вечную истину до людей старался донести.

АНДРЕЙ: (заговорщически) Что есть истина?

ДИМЫЧ: Истина в том, что чайник остыл!

ДИМЫЧ ВСТАЕТ, ВКЛЮЧАЕТ ЧАЙНИК И СНОВА
САДИТСЯ ЗА СТОЛ.

ДИМЫЧ: А если серьезно, то все просто. Пилат искренне пытался помочь Спасителю, но не смог. Такой ответ тебя устраивает?

АНДРЕЙ: Не совсем, речь все-таки о реальном историческом персонаже, государственном деятеле, между прочим! Так почему не спас-то?

ДИМЫЧ ВСТАЕТ, БЕРЕТ ЧАЙНИК И НАЛИВАЕТ
ОБОИМ КИПЯТОК В ЧАШКИ, А ЗАТЕМ ЧАЙ ИЗ
ЗАВАРНИКА. АНДРЕЙ БЕРЕТ СВОЮ ЧАШКУ,
ПОДНОСИТ КО РТУ И ПРИСТАЛЬНО СМОТРИТ НА
ДИМЫЧА. ДИМЫЧ НАКЛОНЯЕТСЯ К АНДРЕЮ И
ТИХИМ ЗАГОВОРЩИЧЕСКИМ ГОЛОСОМ
ГОВОРIT:

ДИМЫЧ: На самом деле на все воля Божья, и такой исход был предопределен, но... я дам тебе более развернутый ответ!

АНДРЕЙ СУДОРОЖНО СГЛАТЫВАЕТ ЧАЙ И
СКВОЗЬ ЗУБЫ ПРОИЗНОСИТ:

АНДРЕЙ: Слушаю внимательно!

ДИМЫЧ: Ветхозаветные пророки Исайя, Захария, Даниил предсказывали не только приход мессии, но и то, как с ним поступят как раз реальные люди. А Иисус, который и сам был правоверным иудеем, прекрасно знал древнее писание. Более того, он знал, что, то, что его ждет это — воля Отца его, и что он пойдет на это добровольно.

АНДРЕЙ: Пока далеко от нашей темы! Обязательно нырять в глубь веков?

ДИМЫЧ: Не спеши, без предыстории не обойтись.

АНДРЕЙ: (язвительно) Ну, раз не обойтись...

ДИМЫЧ: Все очень логично, просто послушай.

АНДРЕЙ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА, КИВАЕТ ГОЛОВОЙ С ВАЖНЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ ЛИЦА, ПРИКЛАДЫВАЕТ ПАЛЕЦ К ГУБАМ И ПОДНИМАЕТ ВВЕРХ РУКИ В ЗНАК ТОГО, ЧТО ОН ГОТОВ СЛУШАТЬ.

ДИМЫЧ: Так вот, Спаситель знал, когда это случится, и сам не препятствовал этому! Попав к Пилату, он ничего не говорил от себя, но лишь отвечал на вопросы. Он не стремился к смерти, но и не пытался спасти себя. Наверное, если бы Иисус захотел, то смог бы отвести любые обвинения, тем более что они не имели никакого отношения к римской власти. Собственно, так он вел себя и перед Каиафой. Но... вернемся к Пилату.

АНДРЕЙ ДЕМОНСТРАТИВНО ПОТИРАЕТ РУКИ.

АНДРЕЙ: Самое время!

ДИМЫЧ: (едва улыбнувшись) Евангелия однозначно говорят нам, что Пилат сделал все для того, чтобы показать иудеям, что он не видит вины в человеке, которого к нему привели. Смотри сам: под предлогом галилейского гражданства Иисуса он отправляет его к властителю Галилеи Ироду Антипе, зная, что тот в эти дни находится в Иерусалиме на праздновании Пасхи. Когда Антипа возвращает Иисуса Пилату, давая понять, что не видит в нем вины, тот приказывает бичевать Иисуса, чтобы показать народу, что преступник уже понес наказание, и предлагает толпе воспользоваться древним иудейским обычаем - даровать свободу одному из осужденных. Разве это не свидетельства его попыток?

АНДРЕЙ: Друг мой! Я не оспариваю того, что Понтий наш Пилат не пытался спасти Иисуса и даже предпринял определенные действия? Почему он, в конце концов, не спас его?

ДИМЫЧ: Дойдем и до этого. Пилат действительно не спас Иисуса и, в конце концов, отправил его на мучительную смерть, но все дело в том, что спасти его он не мог, вернее, не должен был!

АНДРЕЙ: (удивленно) Это как?

- ДИМЫЧ: Именно так! Даже если бы Пилат предпринял какие-то конкретные действия для сохранения жизни Иисусу, тот бы не воспользовался этим, ибо знал, что должен стать искупительной жертвой ради всего человечества. Он верил в своего небесного отца и в свое предназначение и просто не позволил бы Пилату освободить себя.
- АНДРЕЙ: Не слишком оригинально. Нечто подобное я еще в школе видел в каком-то дешевом фильме.
- ДИМЫЧ: Я не претендую на оригинальность, а отвечаю на твой вопрос. Иисус не был ни фанатиком, желающим смерти, ни авантюристом. Он был человеком, который верил в свое предназначение, чему посвятил жизнь. Мы можем только догадываться, что пришлось пережить ему в ту ночь в Гефсиманском саду, когда он просил бога отвести от него эту чашу, но в конце концов смог преодолеть свои страхи и выдержать все до конца.
- АНДРЕЙ: Опять Иисус! Не уходи от темы, друг мой!
- ДИМЫЧ: Я близок к ней, как никогда, но постарайся увидеть картину целиком, не разделяя ее на фрагменты.
- АНДРЕЙ: (деланно вздыхая) Стараюсь изо всех сил!
- ДИМЫЧ: Пилат был, как бы лучше сказать... был слишком человек, а человек слаб. Мы отдаем должное именно тому, что он пытался сделать, но при этом помним, что он этого все-таки не сделал. Почему? Наверное, потому, что у него не хватило духа, не хватило понимания того, кто предстал перед ним, видимо, он считал, что сделал все, что можно. По факту сделал недостаточно, но он был тем, кем был. Потому и умыл руки перед толпой в знак того, что не видит вины в обвиняемом и не берет на себя его кровь. Кроме того, Иисус шел на Голгофу в глубоком убеждении необходимости своей жертвы, он верил в то, что делает, потому и практически не защищался.
- АНДРЕЙ: Как-то все это несколько туманно, вернее слишком церковно.
- ДИМЫЧ: А чего ты ожидал от верующего священника? Кстати,

согласно легендам, отношение к Пилату после тех событий было весьма неоднозначным. По одной из версий он наложил на себя руки, по другой — тело его отвергнули воды Тибра и Роны, а упокоилось оно только в горном озере в современной Швейцарии. С другой стороны...

АНДРЕЙ: Знаю-знаю, дорогой. С другой стороны, Эфиопская и Коптская православные церкви вообще считают Пилата святым. Это тебе не кажется смешным?

ДИМЫЧ ВСТАЕТ И СО ВЗДОХОМ РАЗВОДИТ
РУКАМИ.

ДИМЫЧ: Вера от Бога, а церковь от людей, и даже служители Бога несовершенны! Мой ответ тебя удовлетворил?

АНДРЕЙ: С позиции верующего - на все сто, но все дело в том, что за основу ты берешь только те события, что описаны в Евангелиях, а это для меня не слишком надежный источник. Все у тебя легко объясняется верой в чудеса Господни. Я даже не буду обсуждать твою...mmm...версию.

ДИМЫЧ: Иными словами...

АНДРЕЙ: Иными словами, сказка у тебя красивая, складная, но только все это именно сказка! А хочешь я тебе расскажу, как было на самом деле?

ДИМЫЧ С УДИВЛЕНИЕМ И ИРОНИЧНОЙ
УЛЫБКОЙ СМОТРИТ НА АНДРЕЯ.

АНДРЕЙ: (невозмутимо) Я имею ввиду, как оно скорее всего было, основываясь на фактах без малейшей примеси мистики.

ДИМЫЧ: Сделай одолжение!

ГАСНЕТ СВЕТ.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ДИМЫЧ ВНИМАТЕЛЬНО СЛУШАЕТ АНДРЕЯ, ТОТ
УВЛЕЧЕННО ВЕЩАЕТ И ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ
ХОДИТ ПО КОМНАТЕ.

АНДРЕЙ: Пилат, как ты знаешь, был не просто представителем римской администрации, а префектом — одним из высших чиновников, под ружьем у которого стоял как минимум римский легион. Его полномочия были чрезвычайно широки и включали право вынесения смертных приговоров, а уж возмущение местного населения подавлялось жестко и бескомпромиссно. Если короче, то для местных Понтий наш Пилат — почти царь. Что здесь важно? Что иудеи, это самое местное население, в то время были очень специфическим народом. Они веками строили теократическое общество с идеей единого Бога, избравшего этот народ для сохранения учения. И это учение, религиозные установки и традиции и несмешиваемость с другими народами составляли суть их национальной идеи.

ДИМЫЧ: (улыбаясь) Значит, религия все-таки сыграла свою положительную роль?

АНДРЕЙ: На определенном этапе, друг мой, не забывай!

ДИМЫЧ: И что же было дальше с точки зрения рационального подхода?

АНДРЕЙ: А то, что теократия в конце концов проиграла в борьбе с рационализмом! Иудея окончательно утратила свою независимость, а затем и государственность. Правда тот, кто в конце концов завоевал их, воистину обломал о них зубы! Иудеи сильно испортили кровь оккупантам своим несогласием с римскими порядками, и обстановка в этом регионе была крайне сложной. Восстания и теракты против римских солдат и чиновников, ответные меры римской администрации, короче, ситуация была еще та. Стоит ли удивляться, что к моменту, когда Понтий Пилат занял пост префекта Иудеи, в стране было полно проповедников, предсказывавших скорый приход мессии, который изгонит ненавистных римлян.

ДИМЫЧ: Пока твоя история не сильно расходится с евангелиями!

АНДРЕЙ: Как говорил Карлсон: "Спокойствие, только спокойствие!". Пилат свое управленческое дело делал. На своем месте он

продержался десять лет, что немало и с местным населением особо не церемонился, оттого и жалобы на него вышестоящему начальству шли потоком. Но главное — он не отягощал свой ум или совесть судьбой какого-то там проповедника, — уж извини, дорогой, — которого ему самым подлым образом подсунули Каиафа с товарищами. К последователям христианских идей Пилат точно не относился!

ДИМЫЧ: Ну, идей на тот момент еще не было. Было устное предание, были легенды. Ты же знаешь, все сформировалось позже и не самим Иисусом, а его последователями.

АНДРЕЙ: Не спорю, но факт есть факт. У твоего Иисуса, согласно Евангелиям, были последователи в верхах иудейского общества, но о связях в римской администрации нам ничего неизвестно! Так вот иудейский Синедрион мог сам выносить смертные приговоры, это их исполнение нужно было согласовывать с римской администрацией. Каиафа же с членами Синедриона настаивали на суде римского наместника и на казни по его приговору. Зачем? Иисус ничего не говорил против власти кесаря, но его все равно передали Пилату! Заметь, богохульника в глазах иудейского суда спихивают римлянам.

ДИМЫЧ: Именно так. Иисуса обвиняли во множественных высказываниях против Рима, в призыве не платить подати и претензии на власть.

АНДРЕЙ: Но, ведь, это - ложь! Судя по евангелиям Иисус на допросах скорее отпускал философские фразы, но ни разу не произнес ничего бросающего вызов власти Рима. Это товарищи из Синедриона постарались убедить в этом Пилата!

ДИМЫЧ: Бесспорно, друг мой, но пока я не вижу различий в наших версиях.

АНДРЕЙ: (раздраженно) Да погоди ты, будут тебе различия! Я - ученый, мне нужна логическая цепочка. Итак, Пилату навязывают решение, которое он принимать не хочет, потому что допросив Иисуса, он не видит в нем преступника. Погружаться в глубину причины он тоже не

хочет, хотя прекрасно понимает, что на него хотят спихнуть кровавое дело. А это ему совсем не нужно, почему - объясню подробно позже. Пилат отправляет Иисуса к его господину - тетрарх Галилеи как раз прибыл в Иерусалим на празднование Пасхи. Что было - напомнить?

ДИМЫЧ: Ирод Антипа поиздевался над Иисусом и отправил его к Пилату, не найдя в Иисусе вины.

АНДРЕЙ: И все? А, вот и различия в версиях пошли!

ДИМЫЧ: Интересно! Я весь внимание!

АНДРЕЙ: Ирод Антипа совсем недавно по весьма сомнительным основаниям казнил популярнейшего иудейского проповедника Иоанна, имевшего огромный авторитет у населения. Нужен был ему еще один подобный прецедент еще и во время главного иудейского праздника? Обстановка в Иерусалиме в эти дни была напряженная, город был полон разного рода экзальтированными проповедниками, которые легко могли возбудить толпу на, как сейчас говорят, противоправные действия. Хватало и zelотов с сикариями, то и дело устраивавших покушения на римлян. Оттого и отослал он подследственного назад к Пилату!

ДИМЫЧ: Согласен, логично.

АНДРЕЙ: Итак, Иисус снова у Пилата, и снова Каиафа с сотоварищами настаивают на том, чтобы префект казнил проповедника и подтверждают обвинения антигосударственного, антиримского характера! Мол, царем себя называл! Нужным образом настроить людей у дворца кричать "Освободи нам Варраву" - дело техники. Надеюсь, у тебя нет вопросов, зачем все это нужно было Каиафе?

ДИМЫЧ: Я думаю, Первосвященник почувствовал, что под ним шатается трон, если можно так сказать. Он и остальные члены Синедриона были неглупыми людьми и понимали, что народ внимает Спасителю и может пойти за ним, что приведет к тому, что Каиафа может потерять власть и влияние. Хотя официально они объясняли все интересами народа.

- АНДРЕЙ: Ну... согласен, хотя были и более конкретная причина - страх! Иисус въехал в город по крики "Осанна" и его последователей в Иерусалиме хватало. Кто их считал? Кто мог гарантировать, что после разгона менял из храма, все эти люди не пойдут штурмовать первосвященнические покои? С другой стороны, казнили бы Иисуса по приговору синедриона за богохульство, кто мог быть уверен в том, что население восприняло бы это так, как это было нужно Каиафе? Могла подняться такая волна, что смыла бы и самого Каиафу, и синедрион! Посему от Иисуса нужно было избавиться, но только чужими руками!
- ДИМЫЧ: Думаю, что еще одной причиной было то, что Каиафа понимал, что Иисус не проповедовал ничего, нарушающего иудейский религиозный закон, иначе его давно бы "сдали" в руки властей его слушатели. А значит настоящих оснований для приговора не было.
- АНДРЕЙ: А как называется причинение смерти без законных оснований?
- ДИМЫЧ: Убийство!
- АНДРЕЙ: Bravo! И именно это первосвященник ни в коем случае не хотел брать на себя. А на римского префекта можно списать все, что угодно - мало ли он крови пролил за время пребывания на своем посту!
- ДИМЫЧ: Согласен, но не пора ли нам перейти к главному герою?
- АНДРЕЙ: А мы уже перешли! И Иосиф Флавий, и Филон Александрийский (а эти ребята жили с Пилатом в одно время) в своих произведениях недвусмысленно вешают на Пилата всех собак: жестокий, непримиримый, неуважающий законы и обычаи и пр. А уж сколько жалоб на него было подано - и от жителей, и от местных властей. А значит, казнь очевидно невиновного популярного проповедника могла иметь и для префекта очень неприятные последствия. Бунт экзальтированных религиозно-настроенных паломников привел бы к очередной показательной порке римскими солдатами... Снова кровь, трупы, озлобленность населения, очередные жалобы легату-пропретору в Сирию, императору на

Капри... Ну, что, все на поверхности, как говорится.

ДИМЫЧ: Нет уж, друг мой! Ты давай доведи свои умозаключения до конца!

АНДРЕЙ, СДЕЛАВ КИСЛУЮ ФИЗИОНОМИЮ,
УКОРИЗНЕННО КАЧАЕТ ГОЛОВОЙ И СМОТРИТ
НА ДИМЫЧА.

АНДРЕЙ: Да потому, что так спокойнее твоему Пилату! Освободи он Иисуса, так Каиафа в очередной жалобе «наверх» обязательно написал бы про притеснение префектом иудейского судебного органа и желание спасти очевидного государственного преступника. Приплели бы все до кучи. А какому чиновнику нужны служебные проверки, да еще и по такому нешуточному поводу? Пилат просто не хотел себе серьезных проблем - кто знает, чем бы все кончилось? Кстати, жалобы-то свою роль сыграли — в конце концов от должности Понтия нашего Пилата отстранили. А в ситуации с Иисусом он просто не захотел серьезной борьбы с Каиафой, чтобы не портить карьеру. Своя рубашка ближе к телу.

ДИМЫЧ: Интересно! Ну, а как ты думаешь, мог ли он спасти Иисуса?

АНДРЕЙ: Тут и думать нечего. Мог, конечно.

ДИМЫЧ: И каким образом?

АНДРЕЙ: Он после первого допроса мог громогласно рявкнуть и послать первосвященника вместе со всем Синедрионом, заявив, что римская власть не собирается вмешиваться в религиозные дела местного населения, а преступных действий против кесаря со стороны обвиняемого не находит, и на этом точка! Берите вашего проповедника, который развращал народ, вот вам подписанная санкция на побиение камнями. Дело закрыто! Кто бы в этом случае посмел оспорить его вердикт, еще и подчеркивающий невмешательство в местные дела?

ДИМЫЧ: А как же реакция Каиафы, жалобы наверх?

АНДРЕЙ: Я думаю, жалоб бы не было - Каиафа блефовал. На что жаловаться? На то, что ему разрешили покарать

богохульника? А что касается антиримских высказываний Иисуса, так Пилат лично его допросил и не нашел в нем вины. Просто Пилат посчитал для себя дешевле не противостоять первосвященнику. Одним иудеем больше, одним меньше - должность префекта дороже. А то, что он лично не считал Иисуса виновным, так судят по результату: он отправил его на смерть. Ты удовлетворен?

ДИМЫЧ ВСТАЕТ, СКРЕЩИВАЕТ РУКИ НА ГРУДИ И, ЩУРЯСЬ, СМОТРИТ НА АНДРЕЯ.

ДИМЫЧ: Твоя версия своеобразна и занимательна, но... мы с тобой находимся как бы в разных системах координат. Для тебя история ареста, суда и казни Иисуса не более чем объект обычного исторического исследования, основанного на вероятных реалиях того времени. Для тебя Иисус — просто бродячий проповедник Йешу, а для меня — Иисус Спаситель. Для тебя Евангелие — сборник религиозных мифов, а для меня — Благая Весть. Ты видишь в этой истории только политику, интриги и худшие стороны человеческой натуры, а я — еще и невиданный ранее духовный подвиг и величайшую добровольную жертву Сына Человеческого, который даже в предсмертных муках, когда над ним смеялись и бросали в лицо издевки, просил Отца Небесного простить им, ибо не ведают, что творят.

АНДРЕЙ: Ну и что?

ДИМЫЧ: Да то, что не кажется ли тебе, что твой взгляд на вещи несколько однобокий? Логично выстраивая схему событий, ты забываешь, что любой человек многогранен, он не состоит из одного лишь малодушия. И я вижу в Пилате человека, в котором мучительно боролись стремление к справедливости и милосердие со страхом за свое положение, а не только равнодушного и жестокого префекта Иудеи. Пилат не был христианином, но он видел Спасителя, говорил с ним, слышал его голос, вряд ли это не оставило в его душе никакого следа. Ведь они наверняка сказали друг другу больше, чем написано в Евангелиях, что и понятно — евангелисты не находились рядом с Иисусом во время допроса каждую минуту и не стенографировали каждое слово.

АНДРЕЙ: Домыслы, замыслы!

ДИМЫЧ: Ну, почему? Я знаю, что Пилат далек от святости, и все же уверен, что он увидел, почувствовал, понял что-то важное и пытался оградить Иисуса от незаслуженной смертельной кары, но, увы, смалодушничал. Осторожный чиновник победил в нем то лучшее, что есть в человеке. Поэтому я говорю людям о том, что Понтий Пилат хотел спасти Христа, но, увы, так этого и не сделал. Он был просто человеком, а в человеке часто уживаются величие души и трусость, цинизм и стремление к прекрасному, эгоизм и умение жертвовать собой. И Иисус очень хорошо понимал все несовершенство человеческой натуры. Ты помнишь, что сделал апостол Петр после ареста Иисуса?

АНДРЕЙ: Еще бы! Трижды отрекся от своего учителя, прежде чем пропел петух!

ДИМЫЧ: Правильно! А Иисус сказал ему: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою». Потому и церковь получилась очень человеческая, ведь состоит она из людей, среди которых есть и герои, и подвижники, но все больше обычные люди, способные и к подлости, и к раскаянию.

АНДРЕЙ: Ну и что с того?

ДИМЫЧ: Да то, что Пилат - человек, а любой человек многогранен! А ты, рассуждая о Пилате, полностью забываешь, что это был не только жестокий чиновник, но прежде всего человек, не лишенный Божьего света! Почему ты так уверен в том, что он не мог искренне сострадать и мучиться от того, что смалодушничал и сделал недостаточно? Я нисколько не умаляю твой подход и логику. Но то, что для тебя лишь объект для исследования и анализа, для меня — величайшая история рождения нового мира. Со мной моя вера, это все объясняет!

АНДРЕЙ: (задумчиво) Может, ты и прав...

ДИМЫЧ ВПЕРВЫЕ БЕРЕТ БУТЫЛКУ ВИНА И НАЛИВАЕТ ОБОИМ. АНДРЕЙ СМОТРИТ НА НЕГО С УДИВЛЕНИЕМ. ДИМЫЧ ПРОТЯГИВАЕТ ЕМУ СТАКАН.

ДИМЫЧ: За истину!

АНДРЕЙ: Которая где-то рядом!

ДИМЫЧ: Согласен!

ДРУЗЬЯ ЧОКАЮТСЯ.

ГАСНЕТ СВЕТ.

ГОЛОС
АВТОРА: Они еще долго беседовали, спорили, вспоминали, смотрели фотографии и, наконец, уже после полуночи стали укладываться. А утром после завтрака Димыч проводил Андрея до машины, поблагодарил его за приезд и подарок и пожелал счастливой дороги. Они обнялись, и Андрей уехал в свой мир, так не похожий на мир Димыча. Но их дороги обязательно пересекутся еще не раз!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

НЕИЗБЕЖНОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

НА СЕРЕДИНЕ СЦЕНЫ СТОИТ РИМСКОЕ КРЕСЛО БЕЗ СПИНКИ (SELLA CURULIS), ПО БОКАМ ТРЕНОЖНИКИ С ЧАШАМИ, В КОТОРЫХ ГОРИТ ОГОНЬ. ЗА КРЕСЛОМ БЛИЖЕ К ЗАДНИКУ СТОИТ СТАТУЯ ИМПЕРАТОРА ТИБЕРИЯ В ПОЛНЫЙ РОСТ. В КРЕСЛЕ СИДИТ ПРЕФЕКТ ИУДЕИ ПОНТИЙ ПИЛАТ, НА НЕМ ОДЕЖДА РИМСКОГО СТАРШЕГО ОФИЦЕРА. ЕГО ЛИЦО НАХМУРЕНО, РУКИ СКРЕЩЕНЫ НА ГРУДИ.

ГОЛОС
АВТОРА: Мы не знаем точно, что же все-таки происходило в Иерусалиме в те весенние дни во время празднования пасхи две тысячи лет назад. Но автору кажется, что это было или могло быть именно так.

ПАУЗА

В эту апрельскую ночь префект Иудеи Понтий Пилат намеренно не ложился спать. Он сидел в своем кресле и перебирал в голове события как давно ушедших дней, так и совсем недавние. Он был встревожен и пытался разобраться в том, что не давало ему покоя, и не мог. Ему казалось, что его привычный жесткий мир дал трещину, и впервые за долгие годы Пилат почувствовал себя неудобно и неуверенно.

ПИЛАТ ПРИЩУРИВАЕТСЯ И СМОТРИТ ВВЕРХ.

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

(язвительно) Я чем-то прогневал тебя, Юпитер? Или тебя, Сомнус, или вас, Парки, богини судьбы? За какие преступления вы лишили меня покоя, а теперь еще и сна. Молчите? Вот и его бог молчал... Молчал, когда его бичевали, молчал, когда толпа ревела "Распни его!" Чего ж вы ждете от меня, если вы... вы молчали? Разве я нарушил закон? Разве не сделал я всего, что было в моих силах, дабы избежать этой казни? Разве желал я зла этому блаженному?

ПИЛАТ ВСТАЕТ, ДЕЛАЕТ ПАРУ ШАГОВ ВПЕРЕД И СМОТРИТ В ЗАЛ.

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Не раз мне приходилось применять силу против этого народа, знаю, что ненавидит он меня и желает мне смерти. Но по-другому никак, клянусь Юпитером! Римский префект не может быть мягким и жалостливым, прояви я слабость хоть раз и не удержаться мне на моем месте.

ПИЛАТ ОПУСКАЕТ ГЛАЗА, ЗАТЕМ СМОТРИТ ВВЕРХ И ВЗДЫХАЕТ.

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Я был на войне, много раз слышал дыхание смерти за спиной, но не было в моей жизни более сложного испытания, чем эта должность в этой непонятной мне стране. В моих руках огромная власть, но я с удовольствием бы променял все это на звание простого legionera и воевал с дикими германцами где-нибудь на Рейне. Сколько еще мне оставаться в этой почетной ссылке? Увижу ли я когда-нибудь великий Рим? А тут еще

эта напасть...

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС ПИЛАТА:

Просто напасть? И не более?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Да разве впервые мне приходится проливать кровь в Иудее?

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

До сих пор ты казнил бунтарей и мятежников, подавляя беспорядки. А как назвать казнь невинного? Не убийство ли?

ПИЛАТ НЕРВНО ХОДИТ ПО СЦЕНЕ, СЖИМАЯ
КУЛАКИ.

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Я не желаю ему смерти и старался спасти его!

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Значит так хотел спасти! Ты вершишь правосудие на этой земле, а значит...

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Замолчи!!!

ПИЛАТ ХВАТАЕТСЯ ЗА ГОЛОВУ И ВЕРТИТ ЕЙ ИЗ
СТОРОНЫ В СТОРОНУ.

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Я сделал все, что мог, и нет на мне его крови!

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Только потому, что ты вымыл руки перед толпой? Так что же тебя гложет уже третий день так, что ты засыпаешь только на рассвете и спишь по два часа?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Я знаю, что он не преступник перед Римом. Я впервые посылаю на смерть человека, вины в котором не нахожу. Я готов быть в глазах других римским чудовищем и жестоким властителем, но не хочу в своих глазах быть убийцей.

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Так как же так получилось, что представитель могущественной империи споткнулся на пути правосудия?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Это все этот старый лис Каиафа. Он...он убедил меня в том, что передо мной преступник.

ГАСНЕТ СВЕТОМ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

ПИЛАТ СИДИТ В КРЕСЛЕ, ПЕРЕД НИМ СТОИТ ПЕРВОСВЯЩЕННИК ИУДЕЙСКИЙ ЙОСЕФ БАР-КАИАФА В ОБЛАЧЕНИИ ГЛАВЫ ОФИЦИАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ, ПОЧТИТЕЛЬНО СКЛОНИВ ГОЛОВУ.

КАИАФА:

(улыбаясь) Я убедил? Еще скажи, что я заставил тебя префект!

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Но я же с самого начала говорил тебе, что не вмешиваюсь в дела вашей веры и предлагал судить тебе этого несчастного проповедника вашим судом! Разве не так?

КАИАФА:

Так, конечно так, уважаемый Понтий Пилат. Да только ты в конце концов согласился с нашими доводами и узрел в этом, как ты его называешь, несчастном проповеднике государственного преступника, покушающегося на власть кесаря!

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

(с негодованием) Неправда! Я говорил, что не вижу вины в этом человеке!

КАИАФА:

(усмехаясь) Но освободил Варраву, разбойника.

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Я обратился к народу твоему по вашему древнему обычаю - миловать одного приговоренного! Это они кричали: "Дай нам Варраву"!

КАИАФА:

А еще ты отправил невинного проповедника к тетрарху, мне это тоже известно, префект, но...

КАИАФА ПРИТВОРНО ВЗДЫХАЕТ И РАЗВОДИТ РУКАМИ. ПИЛАТ ВСКАКИВАЕТ С КРЕСЛА.

ПОНТИЙ

Что "но"? Говори, первосвященник!

ПИЛАТ:

КАИАФА ПОЧТИТЕЛЬНО КЛАНЯЕТСЯ.

КАИАФА: Но, в конце концов, ты нашел в нем преступника против римской власти - царя иудейского!

ПОНТИЙ
ПИЛАТ: (крича) Нет! Не смей говорить так! Не смей! Вы привели ко мне богохульника и сами должны были судить и казнить его, но вы очень быстро поняли, что тогда кровь будет на вас и стали убеждать меня, что передо мной враг кесаря и смутьян! Я должен был утвердить смертный приговор по вашему закону, слышишь, первосвященник? По вашему закону!

КАИАФА: Так почему же не утвердил? Или у тебя нет власти на нашей земле? Разве я направил проповедника на бичевание? Разве по моему приказу он сейчас избитый до полусмерти ждет завтрашней позорной смерти на кресте?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ: Вы убиваете его моими руками, потому что я проявил слабость.

КАИАФА: Слабость, нерешительность, равнодушие, страх - прости меня, префект! Мне не дано знать, что, а только твои солдаты завтра ближе к полудню растянут его тело на кресте и вгонят ему толстые гвозди выше запястий и еще в ступни.

ПОНТИЙ
ПИЛАТ: (тихо) Замолчи!

КАИАФА: А знаешь ли ты, префект, что такое смерть на кресте? Кроме острой непрекращающейся боли в руках и ногах приговоренный мучается от жажды и постепенно задыхается, оседая под тяжестью тела, в то время как слепни и мухи сосут кровь из его кожи... И счастлив тот, кому удастся впасть в забытие. Так разве я уготовил "несчастному проповеднику" такую смерть?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ: Исчезни, Каиафа!

ГАСНЕТ СВЕТ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

ПИЛАТ СИДИТ В КРЕСЛЕ, ВЦЕПИВШИСЬ РУКАМИ
В ПОДЛОКОТНИКИ. НА ЛИЦЕ ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ
ОТЧАЯНИЯ.

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

А ведь он в чем-то прав, этот Каиафа...

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Ложь, все ложь! Он просто ловко повернул факты так, как
ему нужно!

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Разве? Я - твой внутренний голос, твоя совесть, если
хочешь. Я - часть тебя, префект. Каиафу, проповедника,
Варраву, да кого угодно ты легко сможешь обмануть, но
обмануть меня тебе, увы, не удастся!

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Что ты хочешь этим сказать?

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Только то, что не лукавишь ли ты перед собой,
перекладывая вину на первосвященника?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Он хотел убить его руками римской власти, моими руками,
разве это вызывает сомнения?

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Не вызывает. Но почему ты согласился? Разве ты не видел,
что перед тобой не враг кесаря? "Царство Мое не от мира
сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то
служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был
предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда", - так он
сказал, кажется?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Я сказал Каиафе, что не нахожу вины в нем! Я предложил
ему забрать этого проповедника и судить своим судом!

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Так почему же ты не настоял на своем? Почему не сказал,
что утвердишь смертный приговор за богохульство?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

(раздраженно) Я ничего не понимаю в их религиозных
делах, мне не так легко принять такое решение!

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

И поэтому ты принял решение судить и казнить его за то, что как раз в твоём ведении, но чего он не совершал?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

О, боги... (кричит) Что ты хочешь от меня?

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Правды, префект, правды! Что помешало тебе пойти до конца и отказаться судить этого несчастного по римским законам? Скажи правду!

ПИЛАТ НЕРВНО ХОДИТ ТУДА И ОБРАТНО ПО
СЦЕНЕ СЕКУНД ДЕСЯТЬ, ПОТОМ САДИТСЯ В
КРЕСЛО И ГОВОРIT КУДА-ТО ВВЕРХ.

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Я хочу вернуться домой в Рим, я устал от этой ненавистой мне земли, ее народа и этой проклятой должности.

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Дальше, префект, дальше!

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

За последние годы число жалоб на меня от Каиафы, да и не только от него, дошло до предела - полгода назад меня вызвал новый наместник Сирии, сам Луций Помпоний Флакк. Как человек новый на своем посту, он пытался вникнуть в то, что происходит, и - надо отдать ему должное - внимательно выслушал меня и даже похвалил. При этом отметил, что кесарь не очень доволен настроениями в Иудее и жалобами, которые дошли даже до него. Флакк - большой человек в Риме, был сенатором, консулом! Он может сделать так, что я предстану перед судом, а может помочь выбраться из этой дыры!

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

О твоей давней мечте ты уже говорил!

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Да, говорил! И клянусь, я все бы отдал, чтобы вернуться в город моей юности, откуда я уехал тридцать лет назад и служил Риму верой и правдой везде, куда бы меня не бросала судьба.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ПИЛАТА:	(иронично) Сколько же веры и правды в том, чтобы огнем и мечом насаждать римские порядки и возбудить к себе такую ненависть населения...
ПОНТИЙ ПИЛАТ:	(раздраженно) Я делал все во имя Рима и во славу великого кесаря! Но что поделать, если это народ совершенно неуправляем! За 7 лет я так и не понял его. Их бесит все, что я делаю, даже если делаю им во благо. Взять хотя бы водопровод!
ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ПИЛАТА:	Тебе напомнить, чем закончилась твоя прогрессивная инициатива? Попыткой взять деньги из храмовой казны, народными волнениями и жестоким их подавлением римскими солдатами.
ПОНТИЙ ПИЛАТ:	Я хотел дать этим дремучим иудеям современное и нужное устройство!
ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ПИЛАТА:	Дорого же им обошелся твой дар!
ПИЛАТ ВСТАЕТ, РАЗДРАЖЕННО СМОТРИТ ПО СТОРОНАМ И ВЫХОДИТ НА КРАЙ СЦЕНЫ.	
ПОНТИЙ ПИЛАТ:	У всего есть своя цена!
ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ПИЛАТА:	Дипломатия - не твой конек, равно как и мудрая политика по отношению к покоренным народам. Ты душишь жителей налогами, плюешь на их веру, проливаешь их кровь - это в твоём понимании служит укреплению империи?
ПОНТИЙ ПИЛАТ:	Власть предполагает силу и строгость, иногда жесткость. (громко) Иногда жестокость!
ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ПИЛАТА:	Впрочем, мы отвлеклись.
ПОНТИЙ ПИЛАТ:	Так вот я имел смелость просить наместника о переводе меня в Рим на хорошую должность. И знаешь, что? Луций Помпоний Флакк милостиво обещал устроить меня на

теплое местечко в столице империи до конца года, если только в течение этого времени обо мне не будет слышно ничего дурного.

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

А это значит?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

А это значит никаких народных волнений, никакого насилия, никаких жалоб. (кричит) Да это просто невозможно в этой стране!

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА

К чему ты ведешь?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Моя внутренняя служба еще год назад сообщала мне о том, что в Галилее объявился какой-то очередной пророк, за которым ходят толпы зевак и последователей. Я попросил узнать подробнее, чему он учит своих...последователей. Выяснилось, что ничего опасного его учение не представляет. Любовь к ближнему, всякая власть от бога, прощение врагов и прочее. То есть в кучу были собраны призывы к добру, справедливости и прочее. Ничего нового, а главное - все вполне безобидно.

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Безобидно ли?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Для Рима безобидно, а понравится его учение местным толкователям закона и Каиафе или нет - мне как-то все равно.

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Да ты - стратег, опытный политик!

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Уж какой есть! И вот недавно я получаю очередной доклад, что этот самый...пророк-проповедник появился в Иерусалиме, еще и на пасху! Город каждый год в эти дни превращается в пчелиный улей, где нужно держать ухо остро - того и гляди что-то произойдет. Ну и, конечно же, первосвященник не выражает особой радости по этому

поводу. Я его где-то даже понимаю... Этого юродивого пытаются сбить с толку, он спокойно отвечает фарисеям так, что не подкопаешься. Отдайте кесарю кесарево, а божье - богу!

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Да ты осведомлен!

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

И не только об этом! Несколько дней назад мне сообщили, что этот проповедник устроил во дворе храма, разогнав торговцев. Я не вникал в подробности, но, когда узнал, что его намереваются арестовать, мне стало как-то не по себе. Вечером ко мне пришли люди от Каиафы и рассыпаясь в извинениях попросили выделить им вооруженный отряд для ареста преступника. Ну, а потом...потом его привели ко мне. Преступник...да какой он преступник, блаженный. Все говорил о царстве добра и справедливости, вот только взгляд его...

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

И что его взгляд?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Когда он смотрел на меня, у меня внутри все переворачивалось. Это было что-то необъяснимое, я чувствовал себя ребенком, в душе словно проснулась радость... Я еле сдерживался, чтобы не... Впрочем, неважно.

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Так почему же ты спасовал перед самим собой и утвердил смертный приговор?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Потому, что Каифа аккуратно дал мне понять, что я в открытую пытаюсь спасти явного мятежника против власти Рима, о чем будет интересно узнать и наместнику Флакку, и самому кесарю, и он, Каиафа, лично позаботится о том, чтобы они узнали, как можно скорее.

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Очередная жалоба на произвол!

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

О, нет! Не очередная, а последняя! Даже если бы потом, через какое-то время наместнику стало ясно, что именно здесь я невиновен, сейчас моей карьере пришел бы конец все равно. О возвращении домой, в Рим, о надежде увидеть родителей и, наконец, осесть там, куда стремится душа моя, можно было бы позабыть.

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Ты отдал жизнь этого проповедника в обмен на свою мечту, зная, что он невиновен!

ПИЛАТ САДИТСЯ В КРЕСЛО И ЗАКРЫВАЕТ ЛИЦО
РУКАМИ.

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

(кричит) Замолчи, я прошу тебя!

ВНУТРЕННИЙ
ГОЛОС
ПИЛАТА:

Неужели ты думаешь, что это сделает тебя счастливее?

ПИЛАТ ВЫХОДИТ К КРАЮ СЦЕНЫ И СМОТРИТ В
ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ. ЛИЦО ЕГО СУРОВО, КУЛАКИ
СЖАТЫ, ГЛАЗА ПОЛНЫ СЛЕЗ.

ГАСНЕТ СВЕТ.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПОЛУТЕМНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ, ГДЕ НА СОЛОМЕ
ЛЕЖИТ ЧЕЛОВЕК С ДЛИННЫМИ ПО ПЛЕЧИ
ВСКЛОЧЕННЫМИ ВОЛОСАМИ, В РВАНОМ
ХИТОНЕ. ОН СИЛЬНО ИЗБИТ, НА ЛИЦЕ ССАДИНЫ,
НА ОДЕЖДЕ СЛЕДЫ КРОВИ. РЯДОМ СТОИТ
ТРЕНОЖНИК С ЧАШЕЙ, В КОТОРОЙ ГОРИТ
ОГОНЬ. В ПОМЕЩЕНИЕ ВХОДИТ ПИЛАТ. ОН
СМОТРИТ НА ИЗБИТОГО, СТАРАЕТСЯ ПРЯТАТЬ
ГЛАЗА.

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Я пытался спасти тебя, но... не смог. Я не вижу в тебе преступника против римской власти, в дела же веры вашей не вмешиваюсь. Мир жесток, проповедник. Я надеюсь, что

царство твое, что не от мира сего, справедливей и...
милосердней, если оно где-то есть, это царство.

ИЕШУА ПРИПОДНИМАЕТСЯ НА ЛОКТЯХ,
ВНИМАТЕЛЬНО СМОТРИТ НА ПИЛАТА, КОТОРЫЙ
ПРЯЧЕТ ГЛАЗА, НО, В КОНЦЕ КОНЦОВ, ТОЖЕ
СМОТРИТ В ГЛАЗА ИЕШУА.

ИЕШУА БЕН
ЙОСЕФ:

Я не держу на тебя зла, префект. Делай то, что должен, как
я сделал то, что должен был. Оно есть, и однажды ты это
поймешь...

ПИЛАТ РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ И БЫСТРО ВЫХОДИТ.

ГАСНЕТ СВЕТ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

ПИЛАТ СИДИТ В СВОЕМ КРЕСЛЕ,
ЗАДУМАВШИСЬ. ВХОДИТ ЦЕНТУРИОН В
ВОЕННОМ ОБЛАЧЕНИИ И ВСКИДЫВАЕТ РУКУ В
РИМСКОМ ПРИВЕТСТВИИ.

ЦЕНТУРИОН:

Приветствую тебя, префект!

ПИЛАТ МЕДЛЕННО ПОВОРАЧИВАЕТ ГОЛОВУ,
СМОТРИТ НА ЦЕНТУРИОНА, ЗАТЕМ
ОБРАЩАЕТСЯ К НЕМУ.

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Уже утро, центурион?

ЦЕНТУРИОН:

Да, префект, десятый час утра.

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Ты командуешь сопровождением приговоренного к месту
казни и далее оцеплением у столбов?

ЦЕНТУРИОН:

Точно так, префект! Будут какие-то приказания?

ПОНТИЙ
ПИЛАТ:

Когда столбы с преступниками будут установлены,
проследи, чтобы никто из родственников не приближался к
ним.

ЦЕНТУРИОН:

(наклонив голову) Да, префект!

ПОНТИЙ

Погоди, это еще не все. Через час после этого объяви

ПИЛАТ: именем кесаря Тиберия о милости префекта Иудеи и
прекрати их страдания...копьем.

ЦЕНТУРИОН: Слушаюсь!

ПОНТИЙ
ПИЛАТ: Потом скажи сюда и сообщи мне о том, что все
кончено...только без лишних слов!

ЦЕНТУРИОН: (наклонив голову) Да, префект!

ЦЕНТУРИОН ВЫХОДИТ. ПИЛАТ ВСТАЕТ С
КРЕСЛА, ГАСИТ ОГОНЬ В ЧАШАХ И ЗАДУМЧИВО
БРОДИТ ПО СЦЕНЕ.

ГАСНЕТ СВЕТ

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

ЗАГОРАЕТСЯ СВЕТ. ПИЛАТ СТОИТ ВОЗЛЕ
КРЕСЛА. НА ЛИЦЕ ЕГО РАВНОДУШНОЕ
ВЫРАЖЕНИЕ УСТАЛОСТИ. ОН МЕДЛЕННО ИДЕТ
ПО СЦЕНЕ И ВДРУГ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ,
НАЧИНАЕТ ЗАДЫХАТЬСЯ И ХВАТАТЬ ВОЗДУХ
ШИРОКО ОТКРЫТЫМ РТОМ, КАК РЫБА, ПОТОМ
ХВАТАЕТСЯ ЗА СЕРДЦЕ, ДЕЛАЕТ ГЛУБОКИЙ
ВДОХ, ВЫДЫХАЕТ И УСПОКАИВАЕТСЯ. ЗАТЕМ
ВЫТИРАЕТ ПОТ СО ЛБА, ЛИЦО ЕГО ПРИОБРЕТАЕТ
СПОКОЙНОЕ, ДАЖЕ УМИРОТВОРЕННОЕ
ВЫРАЖЕНИЕ. ОН ПОДХОДИТ К КРАЮ СЦЕНЫ И
СМОТРИТ В ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ. ПИЛАТ ДЫШИТ
ГЛУБОКО И РОВНО, ОН ВСМАТРИВАЕТСЯ В ЛИЦА
ЗРИТЕЛЕЙ. ВХОДИТ ЦЕНТУРИОН.

ЦЕНТУРИОН: (наклонив голову) Свершилось!

ПИЛАТ ПРОДОЛЖАЕТ СМОТРЕТЬ В ЗАЛ И, НЕ
ОБОРАЧИВАЯСЬ НА ЦЕНТУРИОНА СПОКОЙНО
ПРОИЗНОСИТ:

ПОНТИЙ
ПИЛАТ: Я уже знаю!

ЗАНАВЕС